

Андрей Дмитриев

Гвоздь в сапоге у поэта

Дожив до пятидесяти семи лет, я ни разу не был в Одессе. И не скажу, чтобы мечтал в ней побывать. То есть конечно: отчего же, почему бы и не побывать, если доведется, – но я боялся разочарования. Громада русской литературы, созданной в Одессе, монблан одесского мифа, воздвигнутый одесским городским фольклором и всесоюзным фольклором об Одессе – ну просто никак не могли оказаться сообразными и соразмерными современному провинциальному южному городу, пусть этот город и жемчужина у моря. Расхолаживали разговоры о том, что все подлинные одесситы и прежде всего одесские евреи перебрались из Одессы в разные земли обетованные, а вот Одесса нынче земля не слишком обетованная. Разочарование мне пророчили и бывшие одесситы, живущие в Москве. Когда-то я спросил одного известного кинорежиссера, не один десяток лет отработавшего на одесской киностудии, на что мне стоит посмотреть в Одессе, если я вдруг туда попаду. Ответ был сумрачным и жестким: «Не на что и нечего там смотреть». Я давно заметил, что бывшие одесситы об Одессе говорить не любят. Исключение – одесситы профессиональные, питающиеся одесским мифом и по сей день питающие его. Жванецкий, например. По всему выходило, что Одессу лучше воображать, нежели видеть... Но с другой-то стороны, если Одесса опустела – там уже не должно быть навязчивых одесских шуток и всенародно любимого – благодаря телевидению с его неистребимыми кавээновскими привычками – одесского краснобайства. И не обязательно вовсе, если придется все-таки попасть в Одессу, непременно вспоминать там персонажей одесских анекдотов и вечного, как гоголевский слоеный пирожок, Беню Крика

с его повадками и поделщиками... Вот если попаду в Одессу, думать буду о Пушкине, сочинившем там самую трагическую – по версии Бродского – стихотворную строку во всей русской поэзии: «Прощай, свободная стихия!». Или думать буду о Бунине с его «Окаянными днями». Думать буду о Липкине... Даже и о Катаеве, о его повести «Уже написан Вертер» – и заодно вспомню наш единственный с Липкиным разговор: 90-летний Липкин горько сетовал на то, как недооценен Катаев. И я готов был с ним согласиться – под впечатлением того же катаевского «Вертера». Я человек северный – дух трагедии мне понятней веселого дыхания «12 стульев». Люблю «12 стульев» и «Золотого теленка» люблю – а до конца всерьез не воспринимаю, даже и самому – странно.

А приехал я в Одессу с мыслью о Маяковском – программа фестиваля к тому обязывала. Тон фестивалю задала поэма «Облако в штанах» – а все помнят, как она начинается: «Вы думаете, это бредит малярия? Это было, было в Одессе»...

...Кто сомневается в том, что «Облако в штанах» – высокая трагедия?.. И я не сомневаюсь. А что там – в этом облаке и в этих штанах? Вообще-то, ничего: сюжет низкий, ниже – некуда; рискнул бы сказать, что сюжет – из кладовой Чехова, но ведь Чехов даже не опускался до таких сюжетов... Молодой человек в одесской гостинице ждет подругу, которую невыносимо хочет трахнуть, не сомневается, что трахнет, и распаляет себя до малярийного бреда в затянувшемся ожидании. Девушка обещала прийти в четыре... А все не идет. В итоге опаздывает на целых шесть часов, домучив юношу до белого каления... Ну, вот, наконец, пришла и – нате! – «Я выхожу замуж». Вот и весь сюжет. Он даже не о любви – там слова нет о любви. Он – о предательски неутоленном сексуальном желании. Вот, думаю, Бунин, или какой-нибудь современный Бунину итальянец, напиши они рассказ на этот сюжет – заставили бы, пожалуй, этого неутоленного парня девушку убить. А если б девушка была еще и хорошей девушкой – вышла бы готовая трагедия в привычном смысле.

В поэме никто никого не убивает. Вся поэма – это развернутая фрустрация. Так почему же она воспринимается как высокая трагедия? А потому, что этот незадачливый молодой человек – Поэт, что он и демонстрирует каждым стихом и каждым звуком

поэмы «Облако в штанах». В известной формуле Маяковского: «Я знаю – гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете» – смысловое ударение следует ставить не на слове «гвоздь», как мы это делали в детстве, по-детски полагая, будто Маяковский простые житейские огорчения ставит выше поэзии и вызывающе поэзию принижает. Смысловое ударение следует ставить на слове «меня». Гете – это всего лишь Гете, а Я – Поэт, каких мир еще не видывал. И гвоздь в сапоге у Поэта, которого мир еще не видывал, – это боль, которую мир еще не испытывал... Если девушка *вам* обещала дать, но не дала – это значит, что *вас* попросту продали, – да, с *вами* случилась обидная неприятность. Но если девушка не дала Поэту – это значит, рухнуло мироздание, о чем и свидетельствует грандиозная поэма «Облако в штанах», в каждой строке которой обрушивается и восстает в новом, доселе невиданном обличье мировая поэзия. Эту поэму писал романтик. И по первому размышлению трудно поверить, что он, столь много о себе мнивший, как это и положено романтическому Поэту, – захочет вдруг стать какой-то там силы *частицей*...

Одесса мне понравилась. Красивый, очень красивый город, как и было обещано. На пляже и на Привозе я побывать не успел, фирменных одесских колкостей во всем городе не словил ни одной. Зато успел обрести друзей. И успел порадоваться русскому языку – столь грамотного и богатого русского языка на московских улицах уже не услышишь. Да, южные интонации, южный акцент – но за год жизни в Киеве я привык к южным интонациям, к южному акценту, привык и к тому, что на юге друзей обрести легче, нежели в моих родных северных краях. Русский язык, к слову сказать, и в Киеве хорош... Увидел дом на Пушкинской, где жил Липкин. На доме – мемориальная доска. Вот кто не был романтиком, так это Липкин. Потому и сумел сохранить себя, не уступая себе, молодому поэту, и в глубокой старости. А поэт он был огромный, пусть и не громычал.

Фестиваль в Одессе подходил к концу – а я уже нервничал, бездумно повторяя про себя стих Заболоцкого: «И Грузия моя встречает нас вдали!». Заболоцкий написал восхитительное стихотворение о воздушном перелете в Грузию – нам, моим старым и новым друзьям, предстояло дойти до Батуми по морю. Меня

ожидало, как я надеялся, сдвоенное счастье: морской переход и – Грузия. Были тревоги. Мы ведь с грузинами разъяты и расстроены тупой ненавистью так называемых политиков – и военных. Но тревоги оказались напрасны, надежды мои сбылись. В долгом морском переходе я бывал лишь один раз в жизни: по киношным делам выходил в Японское море на пограничном сторожевике. С тех пор – даже в круизах ни разу не бывал. А море манило. И вот – трое суток по морю в компании одесских поэтов и водителей-дальнобойщиков. Был шторм, была и гроза, были стайки дельфинов, сопровождавших паром... В Батуми нас приняли подчеркнуто дружелюбно. Был День независимости Грузии. Поэтам и поэтессам нашим предложили почитать свои стихи на городской площади – и даже включили их выступления в программу праздника. Мы были в Батуми слишком мало для того, чтобы делать ответственные выводы о нынешней жизни Грузии. Одно мы уяснили твердо: российских туристов там ждут.

Киев

